

ЧАС БЫКА

ПОНЕДЕЛЬНИК

– ...Итак, как я уже говорил, я от Валерия Афанасьевича. Я хотел бы передать вам его глубокие...

– Не надо! – отмахнулся Алекс – Меня это мало интересует. Переходите сразу к делу! Что вашему хозяину от меня нужно?!

– Ну, как знаете... – собеседник грустно улыбнулся, мол «вы сами того хотели» – Валерий Афанасьевич хочет ваш бизнес.

На мгновение в кабинете воцарилась гнетущая тишина.

Шли секунды.

– Ну, я понимаю, с подобного рода заявлениями не приходят просто так! – резко сказал, наконец, Алекс – Ваш хозяин, вероятно, убеждён, что обладает некими рычагами воздействия на меня, да? У него припрятан какой-то козырь в рукаве? А? Ну что?

Собеседник по прежнему грустно улыбался.

– Чё молчишь? Тебе есть ещё, что сказать?! Есть ведь, правда? А нет, так вали отсюда нахер, с-су... – Алекс не без труда взял себя в руки.

– Послушайте, Александр Иванович – ответил, наконец, собеседник – Валерий Афанасьевич проявил к вам уважение, прислав именно меня. Я бы настоятельно рекомендовал вам проявить ответное уважение. Понимаете, Александр Иванович, к вам ведь могли прийти совсем другие люди.

Глаза посланника были холодны, как айсберги.

– Ладно, ладно, простите меня, в самом деле... – буркнул Алекс, стараясь сохранять высокомерие в голосе. И не обращать внимание на промелькнувшее в глазах собеседника торжество.

– До двадцать пятого числа вы должны будете отгрузить четыреста тонн, по сто семьдесят долларов за тонну. Поверьте мне, это хорошие деньги. В вашем положении. – посланник сделал особое ударение на слове «вашем» – В четверг с вами хотел бы встретиться господин Ежов, это партнёр Валерия Афанасьевича...

– Надеюсь, по бизнесу? – хмыкнул Алекс.

На мгновение в холодных глазах посланника мелькнуло непонимание.

– Александр Иванович, я бы настоятельно рекомендовал вам никогда не шутить так про Валерия Афанасьевича. Никогда.

– Хорошие деньги – это, скажем, двести сорок за тонну!

Посланник вздохнул, опустил руку в карман плаща.

– Александр Иванович, мой работодатель просил меня передать вам некий подарок. Он сказал, что это должно стать символом вашего долгого и плодотворного сотрудничества – посланник аккуратно положил на алексов стол красиво упакованную коробочку с несерьёзным розовым бантиком.

– Что это?

Посланник пожал плечами.

– Ну, полагаю, мне пора, Александр Иванович. Прошу ещё раз принять мои заверения в глубочайшем почтении. До свидания, Александр Иванович.

– До свидания.

Едва посланник вышел, Алекс схватил бумагорез, и распотрошил подарочную обёртку.

«Что? Что же это? Что за...» – сложно было определить, к чему точно относились смутные мысли, блуждавшие в голове Алекса – то ли к содержимому свёртка, то ли к ситуации в целом.

Под яркой бумагой скрывалась тусклая продолговатая картонная коробка, казавшаяся отдалённо знакомой. «Что-то такие я уже видел. В детстве.» – Алекс тронул ногтем эмблему «ГОСТ СССР» с пентаклем – «Хм...»

Он открыл коробку. Посмотрел, и отшатнулся.
– Изя, коньяку! – рявкнул он секретарю через интерком.
В коробке лежал продолговатый зловещий паяльник.

ВТОРНИК

– ...А я говорю, что дальше вы просто не проедете! – твёрдо заявил гаишник – Там двадцатитонная цистерна с жидким гелием раскурочена. Полдюжины дохль...ну этих, пострадавших. Мост сильно попорчен, по нему ещё не скоро кто-то поедет. Видали, вон, в речку всё пошло, у-у, дрянь...

Второй гаишник был определённо вежливее.

– Если бы вы не потеряли здесь столько времени, могли бы успеть на речной трамвай.
А так...

Алекс устало откинулся на подголовник.

– Ребята, я как бы живу на той стороне! – протянул он – Мне что, здесь оставаться на ночёвку?

Гаишники переглянулись.

– Оставьте машину на стоянке, а сами идите по пешеходному. Выйдете к этой...как её...

– Зоне отдыха! – подсказал товарищ.

– Да, в парк отдыха, а за ним будет остановка. Дождётесь ночного автобуса.

– Хотя, конечно, лучше бы вам было на речном трамвае, с остальными... – мрачно предупредил первый гаишник.

Ливень терзал его дождевик неудержимыми струями.

У Алекса был зонт в бардачке. Но гаишник, похоже, не о том беспокоился.

– У вас хоть баллончик есть, может?

– А, вот оно что! – дошло, наконец, до Алекса – Да не волнуйтесь, я за себя постою, если что. Да и вряд ли какая гопота будет в такую погоду в парке сидеть. А вообще... – он заговорщицки улыбнулся – ...у меня, если что, и аргумент имеется. С разрешением!

Он извлёк из тайника под сиденьем, и показал гаишникам травматический пистолет.

При некотором стечении обстоятельств, таким можно было даже убить (yj yf cfvjv ltkt 'nj ,sk gfzkmybr).

– Ладно, мужики, спасибо. Покажите уже, где тут стоянка.

И как-то так неожиданно получилось, что Алекс тёмной ночью шёл через мокрую лесополосу. Дождь кончился. Гроза наполнила заросли озоном и магией. То был недобрый час, Час Быка, когда неслыханные страхи становятся явью.

Густые белёсые клубы блуждали по берегам реки, поглощая звук и свет, скрывая всякий намёк на дремлющей совсем рядом город.

Что это? Лишь туман, или испаряется смертоносный гелий?

Алекс шагал по чёрной, мокрого асфальта, дорожке. Он совершенно не был рад этой неожиданной прогулке. Порой, возникало чувство, что кто-то крадётся за ним, изредка неосторожно наступая на сухие ветки.

Там, в лесу, тоже была какая-то своя жизнь – чужая, таинственная, нечеловеческая. Слух Алекса невероятно обострился, он слышал хлопанье стремительных крыльев, капель воды, хаотичное копошение бесчисленных крошечных ножек. Этот звук, голос леса, доносимый до него пряным ветром, клубился в ушах, заигрывал, непредсказуемо меняя тембр и амплитуду, превращаясь в некоего рода гипнотический белый шум.

«Это не звуки леса. Такого просто не может быть!»

Раздался гром!

«Что-то здесь не так!»

Алекс попытался разогнать муторное туманно-шумовое марево.

«Это гелий, что ли? Наверное, я надышался! Интересно, он сильно ядовитый? Какой же ошибкой было...»

– Помогите!

Снова раздался гром, и вновь на плечи и за шиворот хлынул мокрый тяжёлый ливень.

– Помогите!

Там точно кто-то звал на помощь. Нет, это не показалось, и это точно (интонация!) не было шуткой и розыгрышем.

Пригибая шею под дождём, Алекс метнулся с асфальтированной дорожки. Прямо туда, в чашу, на крик.

И туфли его увязли в жидкой ледяной грязи.

А потом он встретил насильника.

Алекс пил чай, и смотрел в окно красными глазами. Уже много дней его преследовал один и тот же сон. И не было от него никакого спасения.

Порой, ему казалось, что вся окружающая действительность ненароком обратилась в сон. Невозможные, бессмысленные, ирреальные вещи происходили.

Бандит с гайками на пальцах вытребовал у государства монополию на экспорт зерна.

Производители обязаны были теперь отдавать ему свою продукцию по назначенной им же цене.

Рано или поздно, все прогибались. Бороться было невозможно. На стороне бандитов – вся государственная машина. Заявление в прокуратуру. Его вернули Алексу с вежливой пояснительной запиской от генерального прокурора. Младшего брата Валерия Афанасьевича.

Любимого младшего брата.

Отрасль готова была рухнуть. Производители один за другим выходили из дела, выводили свои капиталы за границу, или уходили под крупные холдинги, ещё готовые побороться в надежде на собственные деньги, криминальные и политические связи.

Алекс верил, что отрасль вскоре переживёт крах, бизнесмены – разорение, народ – голод. Как тогда. Как прежде.

Дед Алекса был партизаном. В тридцатые годы. То есть, вообще-то, он был гениальным педагогом. Но в тридцать втором оказался в Холодном Яру, с винтовкой Мосина и завтраком из дубовой коры.

Однажды Алекс купил на Андреевском картину. На ней был изображён партизан с винтовкой и седой бородой. Вероятно, красный партизан времён Второй Мировой. Возможно даже, комиссар.

Но Алексу отчего-то казалось, что это его дед.

Он велел повесить картину у себя в кабинете.

Валерий Афанасьевич, тем временем, решил завладеть производящей отраслью, покуда зерно, на котором он хотел нажиться, попросту не исчезло.

Сон. Алекса продолжал преследовать страшный сон...

Пссссссии... Чпух!

Пссссссии... Чпух!

Это пехотные миномёты.

Конница прижала, загнала партизан в глинистый склон балки. Крутояр гудел эхом. Разрывы мин, такие отдалённые, говорили, однако – «Выхода нет». Выход перекрыт.

– Бей! Бей! Руби контру!

Комиссар поднимал красноармейцев в атаку. Хлестали уши винтовочные выстрелы.

Иван Александрович карабкался вверх по склону, через бурелом и тяжёлую густую зелень. Дыхание совсем сбилось, икры подгибались, ватные, от недостатка кислорода.

Голодные штыки дышали ему в спину.

«Солнце!»

Ему отчего-то очень хотелось ещё раз увидеть Солнце.

Сжимая в руке гранату, он тяжело перевалился через гниющий древесный ствол.

Крики. Стоны.

– Не уйдёшь!

Всё могло быть и хуже.

У него могло не быть гранаты.

Туфли вязли в густой жиже из глины и перегноя.

«Пропала обувь!»

Алекс упорно углублялся в чащобу.

– Помогите!

Хрипы. Мученические стоны.

Дрожащей рукой он раздвинул ветви. Молния мгновенной вспышкой озарила лес.

И Алекс увидел.

Насильник одержимый сладострастием. Его жертва в разорванной одежде корчится в пароксизмах тяжёлой, противоестественной любви.

– Помогите!

Мерно работают бёдра.

– Помогите!

Огромный мужик прижимает тонкое женское тело к мокрому бревну, заламывает и выворачивает руки несчастной. Сопротивление бесполезно.

Ослепительно в ночи белое тело.

«Нужно что-то делать!»

– Помогите!

С трудом взяв себя в руки, Алекс бросился к насильнику и его жертве.

Мужик заметил его. Животные, охваченные дремучим инстинктом глаза пялятся на Алекса. Смотрят на него и другие – женские, страдавшие.

Тело вьётся выюном, пытаясь вырваться.

– Помогите!

И Алекс решительно бросается вперёд, чтобы помочь.

СРЕДА

– Я правильно вас понимал, вы хотели бы поговорить со мной о жуке?

Степан Петрович был главным агрохимиком. Жук был его хлебом, его маслом, его профессиональной обязанностью.

Однако, как правило, ему успешно удавалось бороться с долгоносиком и без консультации с начальством.

Алекс налил агрохимику чаю.

– Та партия для Ежова. Зерно уже прошло фумигацию?

Брови Степана приподнялись.

– Совершенно верно. Хотя, честно говоря... – он умолк.

– Что такое? Договаривайте уже.

– Честно говоря, какая разница? Нам-то.

Алекс нервно прохаживался вдоль окна, поглядывая исподволь на Степана.

– Послушайте, Степан, насколько мне известно, вы знаете о жуке всё. Вы посвятили борьбе с ним...а, какого чёрта! Что я несу! В общем, так. Слушайте. Травить жука для вас – дело привычное. А наоборот?

– Простите?

– Я хочу, чтоб ты потравил всю партию! – злобно прошипел Алекс, сжимая кулаки.

Висящий на стене портрет деда Ивана Александровича не без интереса прислушивался к словам внука. По большому счёту, он узнавал в его судьбе некоторое сходство со своей.

Когда красные пришли раскулачивать его виноградник, Иван Александрович не только сжёг дом, усадьбу и восемьдесят гектар уникального сорта винограда, но и отправил в бушующее пламя вековые фамильные драгоценности. Он помнил выражение лица комиссара, глядевшего, как лопаются в огне драгоценные камни.

Стараясь не привлекать внимания владельца кабинета, дед поправил висящую на спине винтовку.

Да уж, колхозный строй был явно не для него. Иван Александрович относился к новейшей истории философски. Череда блудных событий, которые рано или поздно приведут к тому, что тебе придётся ждать с гранатой приближающихся убийц.

Укрепившись в своём монопольном положении, Валерий Афанасьевич начал строительство огромного комплекса элеваторов в Херсоне. Он поручил эту работу своему давнему партнёру, бандиту по фамилии Ежов.

Комплекс должен быть стать новыми воротами страны, единственным порталом через который её мог покинуть хлеб.

Yf ukfdyjg gkjoflb Erhfbys vj;yj edbltnm juhjvysq vjyevtyn d dblt ;tyobys yf rjkjyyt/ Jy? Rfr cxbnftncz? Cbvdjhetn cj,jq cfve Erhfbye? Gj fyfkjubb? R ghbvthe? C Vfhhfyjyq e pfgflys[njdfhbotq/

Vyjubv? Dghjxtv? ‘nj rf;tncz dtemvf pf,fdysv? Nfr rfr d fynbxyjq nhflbwbb cblzobvb yf rjkjyyt bpj,hf;fkbcm yt dczrbt ;tyobys? F rfr hfp nfrbt? Rjnjhsq gjbvtk rnj-yb,elm/ Yfghbvth? Ptdc/

Часто преследуя по пятам своего внука, и бывая даже у него во снах, Иван Алексеевич не мог не восхититься находчивости, с которой тот проворачивал свою интригу.

Яйца долгоносика, замаскированные агрохимиком под фумигант, стремительно давали плоды.

Урожай, отнятый Ежовым у Александра, не должен был принести тому пользы. Впрочем, даже в самых своих смелых мечтах Алекс не мог вообразить, к насколько масштабным последствиям способен принести его маленький протест.

– Помоги!

Кто это кричит в ночи? Чей голос? Женский?

Мужской?

Внезапным движением женщина высвободила руку, схватив своего мучителя за ремень, почти вырвалась на свободу.

Но грязная туфля Алекса смяла её руку, втоптала в мокрую траву.

Травматический пистолет вывалился из его пальцев, скрывшись в мокрой траве.

Алекс помог. С неожиданной ясностью он осознал свой выбор, и понял, что должен поступить именно так.

И покуда довольный насильник овладевал женщиной, Александр рывком сдёргнул с него приспущенные брюки, и пристроился сзади, срастаясь с мужчиной и женщиной в некую чудовищную полную боли и наслаждения трёхсуставчатую гусеницу, напоминающую чем-то личинку сельскохозяйственного вредителя.

Глядя на Александра, Иван Алексеевич непременно чувствовал глубокую внутреннюю логику в его поступках. Yj yf cfvjv ltk? Fktrce ghjcnj cybkecz gjkysq cbvdkbxtcrb[j,hfpjd rjivfh... Сам же Александр не раз задавал себе вопрос – отчего, узнавая о невзгодах любимой женщины, он всегда приходил в воодушевление? Поразмыслив, он возымел несколько версий ответа на этот вопрос. Первая из них заключалась в том, что обладая традиционной гендерной ролью защитника и покровителя, мужчина подсознательно

ликует всякий раз, когда женщина, будучи сломленной, вынуждена вновь проситься под его крыло, надеяться единственно на его помощь и поддержку. Были и другие.

*«Я бачив дивний сон, немов переді мною
Безмежна і пуста і дика площина»*

Налитые солнцем, золотисто-янтарные взгорья смыкались далеко на горизонте, а бескрайняя полонина между ними была и домом, и колыбелью революции. Здесь тоже была какая-то своя жизнь – дивная, чудная, таинственная и совершенно нечеловеческая. Жизнь доминировала, жизнь процветала согласно всё той же непримиримой парадигме, и челюсти её бысть аки молот камнетёса.

Существо по имени Вергилий, прокладывая тоннель сквозь пористую фактуру холма, нередко размышляло над дискурсом своей идентичности. Качественно изменяясь по мере прохождения многочисленных своих стадий развития, оно не было уверено, может ли оно считаться единой развивающейся личностью, либо вереницей взаимопревращающихся существ по имени Вергилий.

На памяти Ивана Александровича, Вергилию в его короткой жизни случилось побывать уже в таких формах существования как личинка, нимфа и даже имаго. Всякий раз, окукливаясь, Вергилий переживал полное превращение, весьма существенно изменяющее его физическое строение. Гораздо сложнее было охарактеризовать то, что происходило при этом с его сознанием. Естественно, всякий раз, в конкретный данный момент времени, Вергилий ощущал себя совершенно целостной личностью. Оглядываясь мысленно в прошлое, он также не видел признаков изменений в своём мироощущении. Однако, нужно понимать, что это как раз в любом случае вполне естественно. Ведь даже если бы сознание Вергилия всякий раз радикально перестраивалось, не имея физиологической возможности вернуться к предыдущему образу мышления, Вергилий всё равно едва ли сумел бы осознать это. Все мысли, поступки и события в ретроспективе он бы попросту осознавал с новой точки зрения, не находя в том противоречия. Таким образом, выход из матрицы невозможен.

Матрица была сформирована сложнейшей структурой пересекающихся янтарных зёрен, и итогом длительных размышлений Вергилия стал тот вывод, согласно которому единственным способом покинуть личиночную стадию своего сознания было физическое обращение той матрицы, что ему подсказал ещё базовый курс высшей математики, вскользя прослушанный им на стадии имаго.

Неистово совокупляясь с насильником, совокупляющимся со страдающей женщиной, Александр невольно задумался также и о круговороте веществ в природе, ровно как и о той роли, каковую суждено играть в нём человеку. Задумчиво роясь правой рукой в кармане, он совершенно неожиданно обнаружил там давешний паяльник, вероятно, по ошибке вложенный им в карман брюк (Yj vs-nj pyftv!).

Немедленно он извлёк паяльник, и в дальнейшем размахивал им в воздухе, используя в качестве фаллического символа.

Александр пришёл к совершенно категорическому выводу о том, что все активисты «зелёных» движений, протестующие против индустриального применения углеводородов, и «загрязнения окружающей среды» якобы являющегося его следствием, являются лишь безмозглыми и напрочь недалёковидными дураками.

По его глубочайшему убеждению, единственной действительно серьёзной проблемой экосистемы могло быть лишь захоронение органического вещества под толщей породы. Любые иные катаклизмы были ничтожны в глобальном масштабе – что для Природы несколько тысяч исчезнувших видов, несколько миллиардов погибших особей? Пройдут миллионы лет, и всякий след о них в любом случае сгинет в зонах.

Нужно сказать, что женщина, по всей видимости, была уже порядком распалена насильником, так как принимала уже активное и вполне целеустремлённое участие в половом акте. В какой-то момент она, изогнувшись едва ли не в форме древнегреческой литеры «сигма», достала давно обнажившийся уже аналий Александра, своими действиями явно склоняя его к чему-то.

Пристально наблюдающий всё это время за ними Иван Александрович (и нужно отметить, уже некоторое время делающий это поверх прицельной планки трёхлинейной винтовки Мосина) не преминул отметить, что в этот момент трио на редкость удачно приняло форму именно того треугольного символа, который на упаковке обыкновенно означает «рисайкл», то есть то, что она пригодна для переработки.

Что же до Александра, то он полагал, что высшей миссией человечества является как раз извлечение из недр земли максимального количества углеводородов, и распыление их в окружающем пространстве, так как в долговременном периоде это обязательно обогатит мир органической материей. Впрочем, Алекс по образованию не был химиком.

А признав это, он с неожиданной ясностью осознал, что он должен сделать, ровно как и то, чего от него хочет женщина.

И решительно вогнал раскалённый паяльник себе в задницу.

ЧЕТВЕРГ

Тяжёлый сон окончился. В четверг Александр, расплачивающийся со старым технологом за диверсию, ещё не знал, что уже через две недели его будут страшно убивать вылезшие из девяностых бандиты в некоем безымянном частном загородном пансионате. Он не знал так же и того, что все те долгие часы, что будет он страдать, раздробленный, измочаленный в кровавое месиво, Иван Алексеевич будет продолжать пристально наблюдать за ним, душевненько приговаривая «добрэ, сынку, добрэ».

Нет, пока он просто слушал рассказ Степана Петровича о ненавязчивом посещении им фумигационной камеры.

Если бы кто-нибудь спросил об этом событии мышшь-рейнджера, вот уже более двух лет обитавшую на центральном элеваторе Ежова, то она бы ответила, что просто не может не поразиться недалёкости человеческих интриг.

Мышь-рейнджер, конечно, никогда не служила в армии. Впрочем, это едва ли имеет какое-то значение, так как в свои два мышшиных года, что соответствуют двадцати семи человеческим, она всё равно давно уже была бы дембелем, а значит, мышшь-рейнджер никак не могла являться действительным военнотружущим, и носила свой титул скорее благодаря хитрости и изворотливости.

Характерным являлось, в частности то, что старый сторож, дядя Никита, вот уже более года пытался изжить мышшь, расставляя по элеватору мышшеловки с сыром. За это время в мышшеловки попались четверо рабочих, молодой практикант из пищевого института и даже ревизор сверху. Но мышшь-рейнджер категорически отказывалась.

Ей казалось очень странным, что дядя Никита считает, что ей следует попытаться съесть сыр. По её глубокому убеждению, давно уже стал общеизвестным тот факт, что мыши предпочитают пищу без резкого запаха и вкуса. В частности, злаковые. И всякая нормальная мышшь-рейнджер непременно предпочтёт есть на элеваторе зерно, нежели идти в мышшеловку.

Логика дяди Никиты ей была непонятна. А стратегия, в частности, Степана Петровича, по её мнению, всецело вписывалась в ту же схему.

Пищевой кризис, который к зиме две тысячи двенадцатого охватит центральную Европу, унесёт жизни миллионов полулегальных мусульманских иммигрантов из малообеспеченных слоёв населения, и будет способствовать научному прорыву, завершившемуся получением доктором Аменхотепом Ву Нобелевской премии за

разработку технологии промышленного синтеза искусственного мяса, начался именно в четверг, в кабинете у расписного Ежова, что выслушал доклад о внезапном долгоносике, чья жизнь отныне доминирует в миллионах тонн зерна, что громоздилось в его полностью централизованной (пользующейся государственной поддержкой!) системе элеваторов. Вниз по течению. Днепра.

Самого Ежова вскоре найдут на лужайке, на заднем дворе его загородного особняка, между батутом и компактным японским садом камней. В спине его будет обнаружена глубоко засевшая пуля калибра 7,62 трёхлинейной винтовки Мосина образца 1891 года.

Впрочем, кому какое дело...